

ПСИХОЛОГИЯ

*Евгений Леонидович ДОЦЕНКО —
декан факультета психологии,
доктор психологических наук, профессор*

*Елена Юрьевна ЗАРУБКО —
аспирант кафедры общей
и социальной психологии*

Тюменский государственный университет

УДК 124.42

ИМПЛИЦИТНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ АРХЕТИПОВ

АННОТАЦИЯ. В работе предлагается определение архетипа, снимающего ряд замечаний, адресуемых к данному понятию. В эмпирическом исследовании выполняется его проверка на соответствие конструктам обыденного сознания, корреспондирующих с понятием архетипа.

The definition of the archetype is proposed which may reduce any rebukes to this term. Research is aimed to examine if this definition corresponds to the constructs of everyday awareness, related to the archetype.

К категории «архетип» в философии, науке и искусстве обращались Платон, Аристотель, Ф. Иудейский, Плотин, Прокл, А. Августин, Поймандр, Н. Кузанский, Дж. Беркли, И. Кант, Ф. Шеллинг, М. Хайдеггер, Э. Кассирер, Х.Г. Гадамер, Ш.А. Гхош, В. Шубарт [8; 104-105]. В XX в. понятие архетипа стало использоваться и в психологии (К.Г. Юнг, Дж. Л. Хендерсон, Дж. Хиллман, М.-Л. фон Франц, А. Яффе, И. Якоби, С. Гроф и др.). Категория «архетип» широко используется и в современной жизни: в рекламе (П. Буков, Г. Сартан, 2001, Е. Ухова, 2001), имиджелогии (Г.Г. Почепцов, 2000; Е.В. Змановская, 2005), искусстве (А.В. Топоров, 1995), политике (А. Цуладзе, 2000, А.А. Андреев, 2002).

Понятие «архетип» трактуется по-разному и приобретает разный смысл в зависимости от целей и задач авторов, употребляющих это понятие.

Так, в литературоведении под архетипами понимаются наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, изначальные схемы представлений, лежащие в основе любых художественных произведений [5].

В маркетинге, рекламе под архетипами понимаются мощные психические первообразы, скрытые в глубинах бессознательного, изначальные модели восприятия, мышления, переживания. Архетипы обеспечивают недостающее звено между мотивацией клиента и продажей товара, архетипическая индивидуальность продукта обращается к глубинному образу, пробуждая ощущение чего-то знакомого и значимого [2].

В юриспруденции архетип — исторически сложившиеся, влиятельные структуры национального сознания, чувства, поведения; основа национальной культуры и государственно-правового уклада общества [1].

Размытость толкования «архетип» ведет к тому, что специалисты-психологи недолюбливают этот термин и редко используют его в своих работах, предпочитая другие близкие по смыслу термины, такие как «прототип», «прототипные схемы», «имплицитные теории» и др.

Существует немало попыток выработать общее определение архетипа. Е.А. Колчанова исследует подходы к изучению «архетипа» в философии и приходит к выводу, что под архетипом понимается «культурфилософская универсалия, создающая основу для междипарадигмального диалога» [4; 145]. К сожалению, для практического применения оно представляется избыточно обобщенным. Поэтому мы предприняли попытку определить «архетип» более операционально. Для этого был проведен контент-анализ собранных Е.А. Колчановой 54 определений архетипа. Они были «разобраны» на отдельные критерии, затем сгруппированные в несколько категорий. И уже из них было составлено синтетическое определение: **архетип** — это имплицитная модель взаимодействия между универсальными фигурами. Для удобства восприятия оно дается в коротком изложении, а входящие в него понятия объяснены отдельно.

«Имплицитная» — не только актуальная (существующая в данный момент, хотя и неосознанно), но присутствовавшая всегда, скрыто функционировавшая в психике: в онтогенезе — через взаимодействие с родителями, в антропогенезе — через общественную практику, передающуюся из поколения в поколение, в филогенезе — через функциональные отношения между животными.

«Модель» — упрощенная схема, отражающая сущностные признаки действительности, взаимосвязь между элементами действительности.

«Взаимодействия» — стандартизированные сценарии, которые можно назвать отношениями (например: отношения Преследователь-Жертва, Покровитель-Протеже, Мать-Дитя).

«Универсальные» — типичные, транситуативные, транскультурные, обобщенные, генерализованные на широкий класс ситуаций.

«Фигуры» — функциональное место, заполняемое живым или воображаемым существом (человеком или иным участником ситуации взаимодействия). К этому функциональному месту предъявлен набор требований — так же как и к роли, но не в узко социальном содержании и социальном предписании, а в более обобщенном, общекультурном плане. Роль более поверхностна, является одним из возможных социальных проявлений архетипа.

Вместо размытого понятия «архетип» мы описываем данный термин с помощью пяти концептов, каждый из которых позволяет организовать свой вид работы, описанный ниже.

Опираясь на концепт «*имплицитная*», можно выявлять степень осознанности человеком данного архетипа.

Концепт «*модель*» позволяет исследовать адекватность или степень упрощения архетипа, используемого в общении. Схема может быть простой/сложной, гибкой, подвижной/жесткой. Например, человек заявляет, что для него характерны отношения Тиран-Подчиненный, но в его исполнении эта схема такая богатая и гибкая, что трудностей не возникает.

Концепт «*взаимодействие*» дает возможность изучать, какие сценарии взаимодействия используются в повседневной жизни. В той мере, в которой они зафиксированы жестко, эти сценарии превращаются в отношения.

Концепт «*универсальность*» дает основания, во-первых, для культурного диалога и взаимопонимания, «ибо ассимиляция чужих концепций всегда предполагает общую человеческую базу, без которой не была бы возможна никакая передача» [3; 16]. Во-вторых, в работе психолога-практика понятие универсальности позволяет переформулировать ситуативную проблему человека, возникшую в конкретных обстоятельствах. Она приобретает общечеловеческий, культурный смысл, тем самым помогая человеку разотождествиться, отделить себя от проблемы и понять, что он живет и действует в «потоке» других людей и что его проблемы уже имели место и решались на разных этапах истории.

Концепт «*фигура*» помогает выяснить, с какой фигурой человек идентифицирует себя, «застревает» ли он в одном и том же образе, или идентификация меняется в зависимости от ситуации.

Предлагаемое определение архетипа отличается от существующих, рассматривающих архетип как состоящий из одной фигуры (например, у К.Г. Юнга: архетип Матери, Ребенка, Трикстера и др.). Отличия касаются двух моментов: во-первых, в предлагаемом определении архетип рассматривается как состоящий из двух взаимодействующих фигур/деятелей. Во-вторых, указывается, что существует готовый сценарий такого взаимодействия. Такие изменения продиктованы желанием добиться удовлетворительной операционализированности определения, позволяющей создавать технологии работы с архетипическим содержанием сознания. Указанные дополнения позволяют более точно анализировать архетипы и выявлять их в практике, при повседневном общении людей.

Однако предложенное понимание архетипа требует проверки, насколько оно соответствует субъективной реальности, феноменологически соответствующей определяемому понятию. **Цель** представляемого исследования — выявить категориальные структуры сознания, соотносимые с психической реальностью, терминологически обозначенной как архетипы. Мы стремимся вскрыть понятия высокого уровня обобщения, предполагая, что значительная часть этих понятий корреспондирует с понятием архетипа.

Методика. В результате литературного поиска (К.Г. Юнг, В.Я. Пропп, М. Элиаде, М.-Л. фон Франц, Дж. Хиллман и др.) был составлен список из 84 слов и словосочетаний, релевантных понятию архетипа, каждое из которых заносилось на карточку. Респондентами выступали мужчины и женщины различных специальностей в возрасте от 18 до 60 лет. Инструкция: «Перед Вами разложены карточки, на которых указаны обобщенные образы, часто используемые людьми как символы. Распределите карточки по группам (попытайтесь сделать так, чтобы групп было не менее 3, но не более 9)». После выполнения давалась инструкция: «Каждой группе дайте название, которое лучше всего отражает суть образов, вошедших в данную группу».

Затем подсчитывалась частота попадания каждого слова с каждым другим в одну группу на массиве всех классификаций. В результате получались квадратные матрицы, симметричные относительно основной диагонали (в целом по группе, а также отдельно для двух возрастных категорий и различных полов), которые были подвергнуты факторному анализу (STATISTICA 6.0). С помощью факторного анализа извлекались семантические обобщения более высокого уровня, которые можно интерпретировать как когнитивные репрезентации архетипов. Ниже представлены результаты по выборке в целом (респонденты обоего пола, как молодые, так и старшего возраста). Рассмотрение данных по подгруппам (отдельно для мужчин, женщин, молодых и взрослых респондентов) выходит за рамки поставленной цели и может служить темой для отдельной статьи.

Результаты.

1-й фактор (37,6%) — *«Устойчивость природы — Разрушения в обществе»*. На одном полюсе в него вошли элементы: Лето (-0,81), Горы (-0,80), Чаща/Лес (-0,79), Солнце (-0,79), Заря (-0,79), Дождь (-0,79), Осень (-0,79), Луна (-0,78), Весна (-0,77), Молния/Гроза (-0,76), Зима (-0,75), Родник (-0,72). А на другом — Падение (0,76), Революция (0,73) Война (0,71), Могила (0,70), Победа/Триумф (0,68). Когнитивный конструкт отражает отношение людей к Природе как к вечному источнику силы и устойчивости. Архетипически это живое начало, противостоящее разрушительным тенденциям. Варианты названий: Вечное Противоборство (архетипические фигуры — Жизнь и Смерть), Сопряженность (фигуры Инь и Ян) и т.п.

2-й фактор (19,0%) *«Волшебство, волшебник»*. Это униполярный фактор с элементами: Волшебница (0,96), Волшебник (0,96), Эльф (0,96), Жрица (0,94), Жрец (0,93), Ведьма (0,92), Шаман (0,92), Целитель (0,88), Мандала (0,76), Шабаш ведьм (0,74), Демоны (0,74). Противоположный полюс сильно редуцирован: Революция (-0,52), Война (-0,49), Победа/Триумф (-0,43), противопоставляя профанные разрушения и перемены созидательности волшебства. Этот конструкт отражает детское отношение к сказкам, и в архаическом аспекте отсылает к надеждам доисторических людей получить защиту и поддержку от сверхчувственных, мистических сил. Архетипически это Помощь (с фигурами Помощника и Нуждающегося) и Опекун (Покровитель (Опекун) — Подопечный).

3-й фактор (14,7%) — *«Разрушитель (Нарушитель) — Производство жизни»*. Содержит большое количество сильных элементов на одном полюсе: Вредитель (0,94), Плут/Обманщик (0,93), Беглец (0,92), Революционер (0,92), Игрок (0,92), Работяга/Рабочий (0,92), Политик (0,92), Предприниматель (0,91), Тиран (0,90), Агрессор (0,88), Мучитель (0,86), Помощник (0,85), Профессор (0,82), Изгнанник (0,77), Ученик (0,74), Жертва (0,73), Рыцарь/Богатырь (0,71). Противоположный полюс сам по себе не очень весом, но ясно оттеняет деструктивный характер большинства фигур-деятели: Колесо/Цикл (-0,59), Сокровища (-0,57), Рождение (-0,56), Мать-Земля (-0,55), Карнавал (-0,55), Рай (-0,52), Древо Жизни (-0,49), Рог изобилия (-0,49), Юность (-0,49), Купель для крещения (-0,47), Родник (-0,46), Свадьба (-0,45), Богиня природы и любви (-0,43). Этот когнитивный конструкт, видимо, отражает обобщенный опыт деструктивного взаимодействия между людьми. Архетипически его можно было бы обозначить как Опасный друг, Враг и т.п.

4-й фактор (11,5%) — *«Под защитой семьи — Уничтожающая сила»*. В первый полюс с высокими нагрузками входят: Ребенок (0,97), Отец (0,97), Бабушка (0,97), Мать (0,97), Дед (0,96), Мужчина (0,89), Женщина (0,86), Любовница/Возлюбленная (0,85), Мачеха (0,84), Любовник/Возлюбленный (0,84).

Теплой человечности противостоят мощные, не подвластные человеку разрушительные стихии: Бездна (-0,57), Глубокие воды (-0,57), Армагеддон/Конец света (-0,54), Ад (-0,54). Конструкт может быть истолкован как архетипические пары Жизнь и Смерть, Человеческое счастье и Зло и т.п.

Среди более мелких факторов, в основном наполненных слабыми по весу дескрипторами, обнаруживается униполярный с элементами Дворец (-0,78), Университет (-0,71), Дом (-0,55), Храм (-0,50). Им противостоят, правда, со слабыми нагрузками, Бездна, Армагеддон/Конец света и Падение. Конструкт отражает чаяния людей иметь средства защиты от опасных стихий. Это архетип Укрытия (с фигурами Покровителя и Странника), с разными вариациями: Храм (с фигурами Жреца, Священника, Пастыря и Поклоняющегося, Прихожанина), Дом (с фигурами Хозяина и Гостя) и т.п.

Для более удобного восприятия материала результаты сведены в таблице 1.

Таблица 1

Сценарий	Фигура 1	Фигура 2
Вечное Противоборство / Сопряженность	Жизнь / Инь	Смерть / Ян
Помощь	Помощник	Нуждающийся
Угроза	Опасный другой, Враг	
Вечное противоборство	Жизнь / Человеческое счастье	Смерть / Зло
Укрытие	Покровитель	Странник

Обсуждение

Почти во всех факторах (№ 1, 2, 3) положительную смысловую нагрузку имеют слова, связанные с природой. Это образы природных явлений (Лето, Луна — фактор 1), существ, тесно связанных с природой и повелевающих ей (Волшебник, Эльф — фактор 2), мифологические природные образы (Древо жизни, Рог изобилия — фактор 3). И наоборот, отрицательную коннотацию имеют слова, связанные с цивилизацией: Революция, Война — фактор 1, 2; Вредитель, Политик — фактор 3. Хорошо видно, что Природа воспринимается как источник жизни, дающий поддержку в трудные времена. Вероятно, здесь проявляется как древнее преклонение перед природными силами, так и усталость современного человека от цивилизации. Противопоставление природы и цивилизации отражает скорее привычную схему мышления, описывающую мироустройство. Но такое противопоставление авторами не интерпретируется как архетипическое.

То же характерно и для противопоставления хаоса и порядка, волшебного (мистического) и прозаического, привычного. Образы, связанные с хаосом, описывают гибель привычного мира, образы, связанные с порядком, описывают привычные, близкие человеческие отношения. Как пишет Е.М. Мелетинский, наиболее значительным и обобщенным сказочным сюжетом является сюжет о борьбе Космоса (порядка) и Хаоса [6]. Сказка, по его мнению, описывает постепенное движение человечества от хаоса к упорядоченности. Образы, связанные с волшебством, описывают неизвестный сказочный мир, а также тех людей, которые с этим миром соприкасаются. Образы, связанные с прозаичностью и привычностью, описывают явления человеческого и природного мира, с которыми человек соприкасается часто. Данная категория может быть сопоставлена с оппозицией сакрального и профанного, которую описывает М. Элиаде [10].

Указанное противопоставление, так или иначе, проявляется во всех факторах. Но чтобы стать архетипическим, оно еще должно получить своих «исполнителей», конкретизирующих исходное противоречие.

Для архетипов Противоборства и Помощи (факторы 1, 2) характерно двойное отношение к природе: то как к источнику жизни, то как к слепой угрожающей силе. Вероятно, конструкт отражает наиболее древние представления человека о природе, о том времени, когда человек не мыслил себя как отдельное от природы, культурное существо, но лишь намечал первые пути обособления. Иллюстрацией могут служить архаические культы Богини-Матери — палеолитические «Венеры», малоазийская Кибела, индуистская Деви, греческая Гея и т.д. [7; 178-180]. Фигурами, между которыми разворачивалось взаимодействие и складывались отношения, выступали персонифицированные силы природы и человек (обобщенный коллективный субъект или его индивидуальный представитель).

Архетип Помощи (фактор 2) отражает упование человека на помощь сверхъестественных сил и желание решить проблемы «как по волшебству», «одним махом». Скорее всего, в данном архетипе проявляется надежда человека на то, что придет кто-то необыкновенный и устранил все трудности. В сказках данный архетип выражается фигурой «волшебного помощника», подробно описанного у В.Я. Проппа [9]. В данном факторе волшебные созидательные образы противопоставляются реалистичным разрушительным образам. Вероятно, предполагается, что волшебный, чудесный помощник справится с проблемами, возникшими в реальной жизни. Трудности реальные, а устранение этих трудностей лежит в некоем «магическом» плане.

В других случаях природа выступает как не подвластное человеку начало, пугающее, противостоящее уютному, привычному миру людей. В архетипе Борьбы Человеческого счастья и Зла (фактор 4) созидательные, теплые, близкие отношения противопоставляются разрушительной мощи природы. Данный архетип описывает хрупкий человеческий мирок под угрозой глобальной катастрофы. Этот конструкт, по всей видимости, описывает этап развития человечества, на котором оно более явно отделилось от природы, отвоевав свое собственное место, на котором началось строительство собственно человеческого мира, Ойкумены. В данном архетипе проявляется страх потерять свой знакомый, человеческий мир, свое «начинающееся» сознание и впасть в первоначальный хаос. Мифологические параллели приводит К.Г. Юнг — «пугающая», «грозная» Мать предстает в мифологии в образе дракона или другого чудовища, которое необходимо победить, чтобы стать самим собой [11].

Архетип Укрытия/Дома/Храма (фактор 5) отсылает к представлению о некоем священном месте, дающем помощь, поддержку. О том месте, где можно укрыться, отдохнуть, получить новые знания и идти дальше. С древних времен люди верили, что есть особенные места, куда можно прийти и приобщиться к высшим силам. В таких местах часто строили культовые сооружения. Воздвигая жилище, человек строил его в соответствии со своими представлениями о мировом порядке. То есть дом — это повторение мира «в миниатюре». В то же время дом — это еще и проявление индивидуальности хозяина дома, и в этом смысле дом помогает человеку утвердить себя в мире. Это как бы его материальное воплощение, свидетельство того, что человек существует.

С архетипом Укрытия связаны архетипические фигуры Гостя и Хозяина. Эти два образа существуют, вероятно, с тех пор, как появилось представление о «своих» и «чужих». «Чужие» приходили с подарками, приносили новости. «Свои» принимали гостя, брали его под свою защиту.

Несколько особняком стоит архетип Опасного другого, Врага (фактор 3). В данном факторе явно присутствует только одна фигура. Второй полюс фактора не очень весом, однако легко реконструируется фигура Жертвы. Это архетип Борьбы с фигурами Враг/Агрессор/Преследователь и Жертва. Акцент при этом сделан на фигуре Агрессора. В качестве Жертвы выступают сами носители сознания (т.е. наши респонденты). Возможно, здесь отчасти проявляется первобытное мышление с акцентом на силу, здесь также отражается представление о хрупкости, уязвимости сказочного мира, или тоска по уже разрушенному, несовременному, но такому притягательному «волшебному», «одухотворенному» взгляду на мир.

Выводы

Проведенное исследование показало, что выявляемые в обыденном сознании категории высокого уровня обобщения выстроены иерархически. Предельно абстрактными выступают идеи противостояния природы и общества, добра и зла. Их конкретизация благодаря персонификации дает большое разнообразие более частных категорий (конструктов сознания), которые позволяют интерпретировать себя как архетипические. Способ, которым эти категории представлены в обыденном сознании, действительно предполагает как минимум две универсальные фигуры, получающие свое качественное своеобразие благодаря характерному сценарию взаимодействия между ними. Следовательно, предложенное определение архетипа как имплицитной модели взаимодействия между универсальными фигурами является адекватным структуре категорий высокого уровня обобщения, обнаруживаемым в обыденном сознании. Это означает, что данное определение способно стать действенным инструментом работы с содержанием обыденного сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арановский К.В. Архетипы национальной культуры и государственное право// Академический юридический журнал. 2003. № 4.
2. Иващенко А. Теория архетипов и практика брендинга. <http://www.a-training.ru/sources/archetypes>
3. Кереньи К. Элевсин: архетипический образ матери и дочери. М.: Рефл-бук, 2000. 288 с.
4. Колчанова Е.А. «Архетип» как категория философии культуры. Дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2006. 160 с.
5. Козицкая Е.А. Архетип «вода» в творчестве А. А. Ахматовой// Ахматовские чтения. А. Ахматова, Н. Гумилев и русская поэзия начала XX века: Сб. науч. тр. Тверь, 1995.
6. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: Российский гуманитарный университет, 1994. 136 с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т./ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. А-К. 671 с.
8. Пивнева Н.С. Архетипические образы в русской культуре. Дис. ... канд. филос. наук. М.: 2003. 117с.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.
10. Элиаде М. Трактат по истории религии. СПб.: Алетейя, 1999, Т. 1 394 с., Т. 2. 416 с
11. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Мн.: Харвест, 2004. 400 с.